

Раздел третий

КЛАССИЧЕСКИЙ ПЕРИОД РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ (XIX – первая треть XX вв.)

§ 1. Основные черты русской классической философии

Философия, как уже отмечалось ранее, будучи универсальной по своему содержанию, всегда развивается в национальной форме, неся на себе отпечаток той среды, которая способствовала ее возникновению. На это указывал еще Ф. Энгельс, когда на вопрос: почему «революционный метод» Гегеля привел его «к очень мирному политическому выводу», отвечал: «Гегель был немец», а потому он и не мог «вполне отделаться от немецкого филистерства»¹. Именно в прикладных, практических моментах в первую очередь проявляется национальная специфика и своеобразие философии.

Однако в любой национальной философии, достигшей соответствующей зрелости, бывают периоды, когда человеческое познание, отринув всякую сиюминутную пользу и подчиняясь лишь логике свободного мышления, достигает наивысших прозрений, преобразующих мировоззрение человечества. Эти периоды принято называть *классическими*; именно в такие моменты национальная философия обретает высший смысл, надолго определяя перспективы развития всей мировой философии. В греческой философии это было время Аристотеля, который смог охватить умом «все стороны и области реального универсума» и выразить в понятии его «богатое многообразие»². Так было положено начало метафизике – прародительнице философского знания. Столь же значительна роль Гегеля – классика немецкой философии, создавшего новый тип философствования, основанный на принципах диалектического мышления.

¹ Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. – С. 277.

² Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. В 3 кн. Кн. 2. – СПб., 1994. С. 210.

Аналогичные примеры можно обнаружить в английской, итальянской, французской философии; и в них наличествует классический компонент, так или иначе отразившийся в общепhilosophическом процессе.

Свой классический период имеет и русская философия: это XIX – начало XX вв. Именно в это столетие, опираясь на предшествующий опыт теоретического исследования своих задач, русская философия не только утвердила свое право на «самомышление», но и создала собственную самобытную проблематику, в центре которой – Россия, революция, славянство. Русские мыслители, до того ориентировавшиеся только на идеалы западной учености, начинают отчетливо сознавать, что они призваны дать миру некий «важный урок» и, возможно, даже ответить на те «больные вопросы», которые возникли в старых обществах.

В данном контексте примечательны рассуждения о роли славян в истории мысли *Петра Лавровича Лаврова* (1823–1900), одного из виднейших идеологов русского народничества. Согласно его концепции, «славяне явились уже три раза в истории европейской мысли и оказали немалое влияние на ход этой мысли»¹. В первый раз это сделали болгары благодаря богомилству – еретическому учению, выразившему «национальный протест славянской нации против проповедей греческого и римского духовенства»². «Они вносили в чтение Нового Завета личное толкование, которым так гордилась немецкая реформа (т. е. лютеранство. – *Авт.*) через шесть веков позже того»³. А потому, будучи явлением «обособленно славянским», «оно имело общечеловеческое значение». В начале XV в. славянское племя во второй раз перехватило инициативу в решении социальных проблем, лежащих «в самом историческом развитии европейской мысли»⁴. Это было учение чеха Яна Гуса, которое вызвало целое богословское движение, тесно связавшее «интересы теоретические с вопросами практическими»⁵. Как и болгарское богомилство, гуситизм не ограничился «одной национальностью», но принял общеевропейский размах, став прямым и непосредственным предшественником протестантизма. Деятелем следующего фазиса влияния на развитие европейской мысли выступило «племя польское»: оно способствовало полному осуществлению «индивидуалистического начала» западного мира. «Государственная власть, – пишет Лавров, – обратилась почти в ничто пред

¹ *Лавров П.Л.* Роль славян в истории мысли // *Историографические исследования по славяноведению и балканистике.* – М., 1984. С. 318.

² Там же. С. 326.

³ Там же. С. 328.

⁴ Там же. С. 336.

⁵ Там же. С. 338.

политическим правом свободного шляхтича; его мысль, его воля могли высказываться, не встречая никакого препятствия. Он мог с большою решимостью противопоставить свое мирозерцание всем прочим, чем это можно было сделать где-нибудь в Европе, так как силы его подавляющей и втесняющей в общепринятые предания не существовало. Действительно, поляки не замедлили воспользоваться этим положением дел и вписали в третий раз имя славянского народа как влиятельного элемента в историю мысли¹. И вот теперь представляется возможность внести свою лепту русскому народу. Лавров сознает, что дело это непростое и требует чрезвычайных усилий, поскольку многое было напрасно растрчено в ходе его истории. «Россия, в ее московском и петербургском периоде, принесла свои веча, свои народоправства и всю свою местную жизнь в жертву... римскому механическому типу, полученному ею из Византии, усложненному татарским представлением о безусловной власти хана и переделанному по образцам новой администрации Европы; оттого русская умственная жизнь вымерла в городах и губерниях, концентрировалась в столице, где политический строй никогда не позволил ей быть достаточно сильною, и лишь теперь некоторое пробуждение провинциальной жизни дает надежду на возможность лучшего будущего для наших соотечественников»². Но несмотря на это, полагает Лавров, уже первые самостоятельные шаги русской мысли свидетельствуют о ее общечеловеческой направленности. Прежде всего это касается распространения социалистических идей, принадлежащих «к самым трудным вопросам западного мира»³. Там этому препятствует сама общественная система, скованная господством «мелкой собственности»; напротив, Россия, где сохранилось общинное владение землей, способна стать провозвестником нового социального порядка в человечестве. Итак, приходит к заключению Лавров, славянство в лице русского народа может «явиться в настоящем снова деятелем в истории мысли, по теоретической выработке социологии и по практическому осуществлению социального строя, отрицающего все политические, экономические и семейные предания недавнего прошлого, чтобы развить форму сознательной гармонической корпорации людей с целью взаимного развития»⁴.

Не один Лавров, но почти все русские мыслители XIX в. одинаково сознают наступление новой эпохи в развитии отечественной философии и стараются всеми силами содействовать возведению ее на степень высокой классики. При этом с особенной полнотой вы-

¹ Там же. С. 356.

² Там же. С. 322.

³ Там же. С. 367.

⁴ Там же. С. 368.

ступает сознание несводимости философского мышления к формам западноевропейской рациональности, которая воспринимается как способ идеологизации философии. Это как раз со всей наглядностью и демонстрировала русская радикальная интеллигенция, стремившаяся во всех отношениях подчинить философию «утилитарно-общественным целям»¹. Но упрекать ее за это едва ли справедливо, ибо она ставила перед собой отнюдь не философские, а политические задачи. Что касается главного – классического – русла развития русской философии, то оно выразилось преимущественно в религиозной форме, пройдя через стадии «цельного разума» славянофильства, «конкретного всеединства» Соловьева и «идеал-реализма» русского духовного ренессанса начала XX в. Русская классическая философия представляет собой слишком значительное явление, чтобы не видеть ее глубокого воздействия на духовно-интеллектуальные процессы современного мира.

¹ *Бердяев Н.А.* Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Интеллигенция в России: Сб. Статей. 1909–1910. – М., 1991. С. 24–25.